

M o s c a.

(Изъ Евгения Онѣгина.)

Москва! Россіи дочь любима!

Гдѣ равную тебѣ сыскать?

Димитровъ.

Какъ не любить родной Москвы!

*Баратынскій.*Гоненье на Москву! что значить видѣть
свѣтъ!

Гдѣжъ лучше? — гдѣ настѣть иѣтъ.

Грибоедовъ.

. . . . Предъ ними

Ужь бѣлокаменной Москвы

Какъ жаръ крестами золотыми

Горяшь спаринныя главы.

Ахъ, братцы, какъ я былъ доволенъ,

Когда церквей и колоколенъ

Садовъ, чертоговъ полукругъ

Открылся предо мною вдругъ!

Какъ часто въ горестной разлукѣ,

Въ моей блуждающей судьбѣ,

Москва, я думалъ о тебѣ!

Москва! какъ много въ этомъ звукѣ

Для сердца Русскаго слилось!

Какъ много въ немъ отозвалось!

*

Вотъ окруженье своей дубравой

Петровской замокъ. Мрачно онъ

Недавнею гордится славой.
 Напрасно ждалъ Наполеонъ,
 Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
 Москвы колѣнопреклоненной
 Съ ключами снараго Кремля.
 Нѣпѣ — не пошла Москва моя
 Къ нему съ повинной головою.
 Не праздникъ, не приемный даръ, —
 Она гощовила пожаръ
 Неперѣливому герою.
 Отсель въ думу погружёнъ,
 Глядѣль на грозный пламень онъ.

*

Прощай, свидѣтель падшей славы,
 Петровской замокъ! Ну, не спой,
 Пошелъ! — Уже сполцы заспавы
 Бѣлъюшъ; вонъ ужъ по Тверской
 Возокъ лепишъ черезъ ухабы.
 Мелькаютъ мимо рўжья, бабы,
 Мальчишки, лавки, фонари,
 Дворцы, сады, монастыри,
 Бухарцы, дрожки, огороды,
 Купцы, лачужки, мужики,
 Бульвары, будки, козаки,
 Аппеки, магазины, моды,
 Балконы, львы на ворошахъ
 И спаси галокъ на креслахъ.

*

По скучнымъ родственнымъ обѣдамъ
 Развозяшъ Таню каждой день,
 Предсказавши бабушкамъ и дѣдамъ
 Ея разсѣянную лѣнъ.
 Родиѣ, прибывшей издалеча,
 Повсюду ласковая встрѣча,
 И воскликанья и хлѣбъ-солъ.
 Какъ Тачя выросла! Давноль
 Я, кажется, теша крестила!
 А я шакъ на руки брала!
 А я шакъ за уши драла!
 А я шакъ пряниковъ кормила!
 И хоромъ бабушки твердишъ:
 Какъ наши годы-то лещашъ!

*

Но въ нихъ не видно перемѣны,
 Все въ нихъ на старой образецъ;
 У шепушки Княжны Елены
 Все шопъ же шюлевый чепецъ;
 Все бѣлишся Лукерья Львовна;
 Все шоже лжешъ . . . Петровна;
 Иванъ Петровичъ шакже глупъ;
 Семенъ Петровичъ шакже скунъ;
 У Пелагеи Николавны
 Все шопъ же другъ мосьё Флимушъ,
 И шопъ же шпицъ, и шопъ же мужъ.
 А онъ все клуба членъ исправный,

Всё также смиренъ , также глухъ
И также важно ловишь мухъ.

*

Ихъ дочки Таню обнимающъ ;
Младыя Граціи Москвы
Сначала молча озирающъ
Кузину съ ногъ до головы ,
Ее находяшъ что-то спрятанной ,
Провинціальной и жеманной ,
И что-то блѣдной и худой ,
А впрочемъ право недурной.
Потомъ покорствую природѣ ,
Дружашся съ ней , къ себѣ ведушъ ,
Цѣлуюшъ , нѣжно руки жмущъ ,
Вѣбивающъ кудри ей по модѣ ,
И повѣряющъ на распѣвъ
Сердечны шайны , шайны дѣвъ :

*

Чужія и свои побѣды ,
Надежды , шалости , мечты .
Текущъ невинныя бесѣды
Съ прикрасой легкой клеветы ;
Потомъ , въ ошиплату лепешанья ,
Ея сердечнаго признанья
Умилъно пребующъ онъ .
Но Таня , точно какъ во снѣ ,

Ихъ рѣчи слышитъ безъ участья ,
Не понимая ничего ;
А шайну сердца своего ,
Залогъ и горестей и счастья ,
Хранишъ печально между шѣмъ
И имъ не дѣлишся ни съ кѣмъ.

*

Татьяна вслушатъся желаетъ
Въ бесѣды , въ общій разговоръ ;
Но всѣхъ въ госпиной занимаетъ
Такой безсвязной , пошлой вздоръ , —
Все въ нихъ такъ вяло , равнодушно , —
Они клевещутъ даже скучно , —
Въ безплодной сухости рѣчей ,
Разспросовъ , сплетень и вѣстей ,
Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сушки ,
Хоть невзначай , хоть на обумъ ,
Не улыбнется томной умъ ,
Не вздрогнетъ сердце хоть для шутки ,
И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь , свѣтъ пустой !

*

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядятъ ,
И про нее между собою
Неблагосклонно говоряшъ .

Одинъ какой-то шутъ печальной
Ее находишь идеальной,
И прислонившись у дверей,
Элегію гоповишъ ей.
У скучной шепки Таню вспрѣтия,
Къ ней какъ то В. . . . подсѣль
И душу ей занять успѣмъ.
И близъ нея его замѣтия,
Объ ней, поправя свой парикъ,
Освѣдомляющія спарицъ.

*

Но тамъ, гдѣ Мельпомены бурной
Пропяжно раздаєтся вой,
Гдѣ машетъ манштей мишурной
Она предъ хладною шолпой, —
Гдѣ Талія шихонъко дремлещъ
И плескамъ дружескимъ не внемлещъ,
Гдѣ Терпсихоръ лишь одной
Дивитсѧ зришель молодой, —
(Что было щакже въ прежни лѣты,
Во время ваше и мое), —
Не обращались на нее
Ни дамъ ревнивые лорнепты,
Ни трубки модныхъ знапоковъ
Изъ ложъ и кресельныхъ рядовъ.

*

Ее привозяще и въ собранье :
 Тамъ шѣсноша , волненье , жарь ,
 Музыки грохочь , свѣчъ блистанье ,
 Мельканье въ вальсѣ быстрыхъ паръ ,
 Красавицъ легкіе уборы ,
 Людми песящіе хоры ,
 Невѣсъ обширный полукругъ ,
 Все чувства поражаешь вдругъ .
 Здѣсь кажущъ фрашы записные
 Пушную голову , корсеть ,
 И невнимашельный лорнель ,
 Сюда гусары оппусканые
 Спѣшашъ явишься , прогремѣши ,
 Блеснуши , плѣниши и улетѣши .

*

У ночи много звѣздъ прелестныхъ ,
 Красавицъ много на Москвѣ ;
 Но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ
 Луна въ воздушной синевѣ , —
 Но ты , которую не смѣю
 Тревожишь лирою мою ,
 Какъ величавая луна ,
 Средь женъ и дѣвъ блеспишь одна . . .
 Съ какою гордостью небесной
 Земли касается она !
 Какъ нѣгой грудь ея полна !
 Какъ шоменъ взоръ ея чудесной !

Но полно, полно, перестань,
Ты заплашилъ безумству дань.

*

Шумъ, хохотъ, бѣготня, поклоны,
Галопъ, мазурка, вальсъ. — Межъ тѣмъ,
Между двухъ шепокъ у колонны,
Незамѣчаема никѣмъ,
Татьяна смешитъ и не видитъ,
Волненіе свѣща ненавидитъ,
Ей душно здѣсь. . . она мечтой
Стремится къ жизни полевой,
Въ деревню, къ бѣднымъ поселянамъ,
Въ уединенный углочекъ,
Гдѣ льется тихій ручеекъ,
Къ своимъ цвѣтамъ, къ своимъ романамъ,
И въ сумракъ липовыхъ аллей,
Туда, гдѣ онъ явился ей.

А. Пушкинъ.

